

Данильченко Сергей Леонидович

академик РАН, академик РАЕН, академик РАМТН,

Почетный работник воспитания и просвещения

Российской Федерации, д-р ист. наук, профессор,

заведующий кафедрой

Институт общественных наук и международных отношений

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

г. Севастополь

ОПАСНОСТЬ ПОДРЫВА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: статья посвящена вопросу цивилизационных основ современного общества. Автором отмечено, что методология исследования всегда является производной от укоренившихся этнических стереотипов, от избранной этносом психологической доминанты поведения, индивидуалистического этнического стереотипа, или, наоборот – общинного, коллективистского поведения, нацеленного на достижение общего блага, на участие в общем деле.

Ключевые слова: история развития мирового хозяйства, структура современного мирового хозяйства, интернационализация, глобализация международных экономических отношений, международная экономическая интеграция, новая геополитическая обстановка в современном мире, производство идеологических химер, неолиберализм как система антигосударственных подрывных принципов.

Что такое «мировое хозяйство», «мировая экономика» и «мировое сообщество»? Мы не сможем разобраться в их сути, если будем придерживаться т.н. «общечеловеческой» или, скажем, «общеевропейской» точки зрения. Л.Н. Гумилев очень верно подчеркивает: «то, что называют обычно «всемирной историей» – способ подачи материала, когда произвольно выбрана точка отсчета» – выбрана на основе определенной системы ценностей, которые задолго до этого избрал этнос.

Развал СССР был произведен в полном соответствии с теорией Антонио Грамши о гегемонии и о механизмах захвата власти, основанных на молекулярной агрессии в культурное ядро.

Советники Б.Н. Ельцина были убеждены, что трансформация российского рынка в рынок современного капитализма потребует формирования новой цивилизации, новой общественной организации, а, следовательно, и радикальных изменений в ядре отечественной культуры.

Грамши назвал этот процесс «пассивной революцией», направленной на постепенную эрозию, подрыв и уничтожение того культурного ядра как совокупности системообразующих культурных ценностей и принципов, которое образует основу объективного духовного бытия любой нации.

Оно реально существует в виде системы духовных символов, каждый из которых отражает часть нерушимых национальных святынь. Двойственная структура человека, как совокупности духовного и материального начала, является всего лишь отражением двойственной структуры окружающего нас мира, также состоящего из многослойного бытия, разделенного на материальные – видимые и осязаемые, и духовные – неосязаемые, трансцендентальные структуры. Подрыв и разрушение духовной структуры объективного бытия человека равнозначно разрушению его сознания, т.е. уничтожению того, что отличает человека от животного. В результате человек лишается своего «я».

Марксистское положение о том, что бытие определяет сознание оказывается верным, но только лишь наполовину: сознание человека определяет не материальное, а духовное бытие. Его подрыв деформирует и разрушает сознание отдельного человека, которое является всегда производным от общественного духовного бытия.

Протестантская Реформация, по факту – протестантская религиозная революция, является самым наглядным и массовым подтверждением верности теории Грамши: она привела к утверждению на Западе новой «индустриальной религии» (Э. Фромм), превратившей человека в рыночную машину – в «экономического человека», в носителя внедренных в него рыночных ценностей.

Э. Фромм указывает на то, что «личности с рыночным характером... не имеют даже своего собственного «я», на которое они могли бы опереться, ибо их «я» постоянно меняется в соответствии с принципом – Я такой, какой я вам нужен» – подчеркивает Фромм [1, с. 153, 155].

Таким образом, тот механизм разрушения общества, который был теоретически обобщен Грамши, практически был уже апробирован в процессе самой величайшей в мире антихристианской революции, известной в истории под названием Протестантская Реформация.

Что же нового внес в теорию Антонио Грамши?

Согласно Грамши, власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии – на убеждении. Положение, при котором достигнут достаточно высокий уровень согласия, Грамши называет гегемонией.

Гегемония – не застывшее, однажды достигнутое состояние, а динамичный и, непрерывный процесс. При этом «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения» (А. Грамши). Согласно Грамши, «государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых» [2, с. 63].

Сама гегемония предполагает не просто согласие, а деятельное согласие, при котором граждане желают того, что требуется господствующему классу. Но если главная сила государства и основа власти господствующего класса – гегемония, то вопросы стабильности политического порядка и, напротив, условия его слома (революции) сводятся к вопросу о том, как достигается или подрывается гегемония.

Кто в этом процессе является главным агентом?

Каковы «технологии» процесса?

По Грамши, и установление, и подрыв гегемонии – «молекулярный» процесс. Он протекает не как столкновение классовых сил, а как невидимое, малыми порциями, изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. Гегемония опирается на «культурное ядро» общества, которое включает в себя совокупность

представлений о мире и человеке, о добре и зле, прекрасном и отвратительном, множество символов и образов, традиций и предрассудков, знаний и опыта многих веков. Пока это ядро стабильно, в обществе имеется «устойчивая коллективная воля», направленная на сохранение существующего порядка. Подрыв этого «культурного ядра» и разрушение этой коллективной воля – условие революции.

Создание этого условия – «молекулярная» агрессия в культурное ядро. Это – не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании, какое-то озарение. Это «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима, чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве» [2, с. 64].

Когда «кризис гегемонии» созрел и возникает ситуация «войны», нужны уже, разумеется, не только «молекулярные» воздействия на сознание, но и быстрые целенаправленные операции, особенно такие, которые наносят сильный удар по сознанию, вызывают шок, заставляющий большие массы людей перейти от пассивности к активной позиции.

Грамши считает это цепной реакцией («цепочка синтезов») и называет катарсисом – подобно очищающему и просветляющему коллективное сознание зрителей действию трагедии в театре. Переходя с философского языка на язык войны, он пишет: «Под соотношением военных сил следует понимать не только лишь факт наличия оружия к военным отрядам, но и возможность для партии парализовать основные нервные узлы государственного аппарата» [2, с. 65].

На что в культурном ядре надо прежде всего воздействовать для установления (или подрыва) гегемонии?

Вовсе не на теории противника, говорит Грамши. Надо воздействовать на обыденное сознание, повседневные, «маленькие» мысли среднего человека. И самый эффективный способ воздействия – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру. «Массы

как таковые, – пишет Грамши, – не могут усваивать философию иначе, как веру». И он обращал внимание на церковь, которая поддерживает религиозные убеждения посредством непрерывного повторения молитв и обрядов [2, с. 65].

Сам Грамши прекрасно отдавал себе отчет, что за обыденное сознание должны бороться как силы, защищающие свою гегемонию, так и революционные силы. И те, и другие имеют шанс на успех, так как культурное ядро и обыденное сознание не только консервативны, но и изменчивы. Та часть обыденного сознания, которую Грамши назвал «здоровый смысл», открыта для восприятия коммунистических идей. Здесь источник «освободительной гегемонии». Если же речь идет о буржуазии, стремящейся сохранить или установить свою гегемонию, то ей важно этот здоровый смысл нейтрализовать или подавлять, внедряя в сознание фантастические мифы.

Кто же главное действующее лицо в установлении или подрыве гегемонии?

Ответ Грамши однозначен: интеллигенция. Антонио Грамши развивает целую главу о сути интеллигенции, ее зарождении, роли в обществе и отношении с властью.

Главная общественная функция интеллигенции – не профессиональная (инженер, ученый, священник и т. д.). Как особая социальная группа, интеллигенция зародилась именно в современном обществе, когда возникла потребность в установлении гегемонии через идеологию. Именно создание и распространение идеологий, установление или подрыв гегемонии того или иного класса – главный смысл существования интеллигенции.

Продавая свой труд, интеллигенция тянется туда, где деньги. Грамши, пишет: «Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии, но и политического управления». Правда, всегда в обществе остается часть интеллигенции, которую Грамши называет «традиционной» – та интеллигенция, которая служила группе, утратившей гегемонию, но не сменила знамя. Обычно новая получившая гегемонию группа старается ее приручить. Кроме

того, общественные движения, созревающие для борьбы за свою гегемонию, порождают собственную интеллигенцию, которая и становится главным агентом по воздействию на культурное ядро и завоеванию гегемонии.

Гегемония в современном западном обществе создается при помощи производства искусственных символов, на которые человек может опираться. К числу таких символов в потребительском обществе относится, например, дизайн ширпотреба. Именно он в США стал главным механизмом внедрения в сознание псевдокультурных ценностей – путем конструирования искусственного «культурного ядра», ассоциируемого с набором определенных товаров, а также с их потребительскими свойствами.

Специалисты особо отмечают способность этого механизма к эффективной «стандартизации и сегментации» общества. Стандартизация и сегментация – важное условие гегемонии в гражданском обществе, где требуется сохранять «атомизацию», индивидуализацию людей. Но в то же время надо соединять «сегменты» связями, не приводящими к органическому единству, – безопасными для гегемонии.

Как показали исследования по методологии Грамши, эффективным средством для этого стал в США спорт. Он порождал такие символы и образы, которые связывали самые разные сегменты общества – от негритянского дна до буржуазной элиты – мягкими, ни к какому социальному единству не ведущими связями. Спорт создавал особый срез общей массовой культуры и обыденного сознания.

Методология Грамши помогает понять суть деятельности ряда международных организаций, создающих механизм глобализации. Одной из таких организация является «Трехсторонняя комиссия», созданная по инициативе Н. Рокфеллера и функционирующая под руководством З. Бжезинского. Это – одна из самых закрытых и влиятельных организаций теневого «мирового правительства». В нее входит около трех сотен членов из США, Европы и Японии. Цель – создать новый мировой порядок, добившись беспрепятственного доступа транснациональных корпораций во все страны мира, особенно в финансовую сферу и энергетику.

Признано, однако, что в действительности Трехсторонняя комиссия способствовала возникновению нынешнего глобального финансового кризиса и в целом дестабилизации мира по сравнению с 1970-ми годами. Анализируя эту проблему С.Г. Кара-Мурза делает следующий вывод: «эта теневая организация смогла, мобилизовать во всех главных странах влиятельные силы для воздействия на общественное мнение так, чтобы «неприятные» последствия ее деятельности вообще исчезли из публичных дебатов. Эти люди (ученые, пресса, «духовные лидеры») смогли в мировом масштабе так повлиять на обыденное сознание, что люди как бы перестали видеть очевидное. У них отключили «здравый смысл» [2, с.69].

В условиях современного информационного общества главным источником подавления людей служат не физические методы воздействия, а приемы и средства информационно-психологической подавления личности. Сейчас, после развала СССР в информационно-психологической войне, стало ясно, что появилось новое средство господства над людьми [3].

В. Лисичкин и Л. Шелепин в своей книге «Война после войны: Информационная оккупация продолжается» указывают на то, что в современном информационном обществе появилось могучее средство реализации приемов и методов психологической войны – средства массовой информации (СМИ). Человек в наше время живет в информационном поле.

«Современное информационное общество представляет собой особый тип и социального структурирования, и власти. После индустриального капитализма, базирующегося на владении средствами производства, после финансового капитализма, опирающегося на власть денег, наступает этап некоего символического информатизационного капитализма, в котором власть основана и осуществляется через средства коммуникации, путем управления информационными потоками... Сознание массового человека оказывается насквозь структурировано многими, но настойчиво внедряемыми в него утверждениями, которые, бесконечно транслируясь средствами информации, образуют некий невидимый каркас из управляющих мнений, установлений, ограничений, который определяет и регламентирует реакции, оценки, поведение публики» [4, с.59].

Таким образом, современные информационные технологии помогают превратить публику в объект манипулирования. В основе сознания лежит сложная иерархическая структура пространства символов, включающая символы, символы символов, символы символов символов и т. д. В этой иерархии один символ имеет ключевое значение, другие – подчиненное. При этом наше сознание оторвано от непосредственной реальности. Символы как бы подменяют жизненное содержание. Обстановка меняется, а символы в сознании остаются. Это может быть использовано для ряда методов воздействия. В. Лисичкин и Л. Шелепин приводят в книге характерные примеры, относящиеся к заключительной стадии развала СССР [5, с. 53–56].

Важно использование существующего пространства символов. В устойчивые старые символы вкладывается новое содержание, и с этим новым содержанием они беспрепятственно входят в сознание людей. К таким понятиям относятся: «демократия», «рынок», «монополия», «частная собственность».

Следует различать операции в пространстве символов. Здесь мы имеем дело со вторым характерным приемом, который включает в себя, в частности, объединение разнородных, часто несовместимых символов – красно-коричневые, коммунофашисты и пр. Сюда же входят и определенные ассоциации символов, имеющие характер гиперболы, но подаваемые всерьез: деревянный рубль, эпоха древесно-стружечной колбасы, марксизм – жареный лед, семьдесят лет мрака и тьмы, цивилизованные страны.

Необходимо учитывать преобразование пространства символов. Иерархическую структуру символов удобно представить в виде рельефа с вершинами, склонами, впадинами. Человеческий ум ограничен, поэтому в памяти остаются определенные вершины, вокруг них концентрируются остальные понятия. Задача любой гибридной или психологической войны – уничтожить эти вершины.

Отмеченные выше в «исторической» войне компрометация и моральное уничтожение таких личностей, как Сталин, Жуков, Ленин, Минин, Петр I, Суворов, героев Отечественной войны – это уничтожение опорных точек менталитета России, подавление способности к сопротивлению.

Должна поддерживаться связь символов с реальностью. В стационарных условиях эта связь нуждается в подкреплении. Посылка заведомо ложной информации идеологами КПСС, выступавшими от имени государства, подрывала доверие к нему. В этом смысле известный либеральный идеолог В. А. Коротич, в отличие от общепринятого мнения, не менял своих убеждений. Он служил Западу и тогда, когда выступал организатором пропагандистской кампании, направленной на ликвидацию СССР, и раньше, когда писал неправду о США.

Важна ложная дихотомия – противопоставление. В пространстве символов заключена дихотомия типа: ангел – дьявол, друг – враг, и на ее основе проводится группировка символов. Такая группировка, если она адекватна обстановке, дает возможность ориентации людей и служит их сплочению. Эффективным приемом любой психологической войны является создание ложной дихотомии, например, идеологи КПСС – диссиденты. Это было использовано командой М.С. Горбачева при подготовке государственного переворота, но диссидентским движением дирижировали и управляли идеологи КПСС.

Кроме отдельных направлений применения символов можно говорить и об общем подходе, который заключается в составлении компьютерной карты взаимосвязей в пространстве символов. В США, например, разрабатываются компьютерные образы конкретных клиентов фирм, чтобы было ясно, какова будет их реакция на тот или иной подход, как нужно с ними взаимодействовать для достижения оптимального результата.

Ученые указывают на то, что «аналогичную карту можно создать и для общественного сознания. Здесь можно говорить об аналогии с обычным театром военных действий. Направляя информационные бомбы в узловые точки, можно бить прицельно, пользуясь информационно-психологическое оружие наиболее эффективным образом. Чтобы воссоздать такую карту конца 1980-х годов, как учебное пособие можно использовать подшивку журнала «Огонек» под редакцией В. Коротича и по ней восстановить направления главных информационных ударов по СССР и динамику перенесения информационного огня на все новые и новые цели» [5, с. 56].

Исследователи обращают внимание на ключевой и принципиальный момент в глобальном информационном воздействии – максимально перемешать, «перетасовать», существующую систему понятий (символов), изменяя их содержание. Они подчеркивают: «Суть не в замене самих символов, а в изменении внутреннего смысла, внутреннего содержания понятий. Так, в период перестройки 1980-х гг. выдвигались лозунги: «Вся власть Советам!», «Фабрики рабочим!», «Земля крестьянам!». Но истинный смысл был прямо противоположным: переход к авторитарной президентской власти, бесправие и ограбление рабочих, разорение крестьянства. Как уже отмечалось, это относится и к таким понятиям как «левые», «демократия», «монополии». В результате система понятий та же, ты сам вроде не изменился, мыслишь привычными символами, но находишься уже во власти внешних сил, твой враг вроде бы в тебе самом. Говоря на языке религии, в тебя вселился дьявол, изменивший внутреннюю сущность твоих понятий.

В советский период идеологи КПСС также меняли содержание символов, выхолащивая их содержание. То есть, мы снова имеем дело с принципом вируса в информационной войне, когда при изменении смысла совокупности понятий система символов начинает работать против самого общества» [5, с. 56].

Все вышесказанное станет понятно, если мы не будем забывать, что сознание каждого отдельного человека является производным от объективного духовного бытия, основу которого образуют системообразующие ценности и принципы данного духовного бытия – «культурное ядро».

Меняя содержание этих системообразующих ценностей посредством молекулярной, т.е. точечной агрессии в «культурное ядро», мы лишаем человека точки опоры, деформируя ключевые понятия, на которые повседневно опирается «я» каждого человека. Наступающий в его голове хаос является производным от наступившего хаоса в культурном ядре.

Все это не означает, что данный процесс действует только в отрицательную сторону. С помощью кратко описанных здесь информационных технологий можно произвести и позитивную «рекультуризацию» сознания людей, возвра-

шая национальные святыни к их изначальному содержанию. В результате произойдет реконструкция всех тех символов, которые образуют опорную духовную базу личности. Именно этот процесс и составляет содержание консервативной революции, о которой у нас так много пишут и говорят.

Историческое соревнование СССР и США закончилось, но продолжается соревнование двух типов, двух моделей общественного развития – либерального и традиционного.

Сравнивать и оценивать исторические «итоги» этого соревнования мы можем только на основе косвенных показателей. Методы анализа и оценки являются всего лишь той «точкой отсчета», тем «углом научного зрения», который является общепризнанным и всеупотребимым в рамках данного общества. Мир уже давно движется в полярной противоположности Запада и Востока, либерализма и традиционализма. Соответственно, соревнуются между собой две противоположные модели, два типа общественного устройства – либеральное общество и традиционное общество.

Успехи японской экономики, юго-восточных стран и Китая наглядно свидетельствуют, что общинный тип традиционного общества Востока оказывается более жизнестойким, продуктивным и способным к динамическому и качественному росту, нежели либеральное общество Запада. Будучи основано на индивидуализме и эгоизме конкурирующих между собой социохозяйственных групп, западное общество деградирует, раздираемое враждой.

Запад уже давно находится в состоянии войны с Востоком, которая сегодня приобрела тотальный характер. Её задачи и масштабы напоминают эпоху протестантской Реформации, эпоху захвата и передела Нового Света. Только теперь ставится задача – захвата и передела всего мира. Очевидно, что перековать мир, ведя с ним тайную войну, ликвидируя «старые» нации и государства и создавая «новые», конструируя «новые общественные системы» и «новые типы хозяйственного устройства», можно с помощью все тех же старых методов, основанных на создании новых «культурных ценностей», формирующих некие «новые цивилизации».

Новый общественный строй создается новой моралью. Именно на это и направлена неолиберальная «культурная революция», основанная на теории постмодернизма. Именно поэтому в последние 10-летия расплодились как грибы после дождя различные антиправославные протестантские секты, ведущие войну за умы и души наших людей.

Теория постмодернизации объявляет себя «теорией изменения ценностей», выступая, по сути, за культурный релятивизм. Западные теоретики постмодернизма рассматривают его как процесс перехода к новому мировоззрению, соответствующему новому, более высокому уровню жизни, достигнутому в странах «золотого миллиарда» [6, с. 263, 282].

Нового здесь нет ничего кроме демагогии, так как основу «нового строя» и «нового мировоззрения» образуют такие индивидуалистические ценности, как «бережливость, накопительство, индивидуальный экономический успех».

Условиями перехода к постматериалистическим ценностям, якобы уже господствующим на Западе, являются: «высокий уровень благосостояния»; «современные системы социального обеспечения», недостижимые, по мнению западных теоретиков нового мирового порядка, для всех остальных стран, включенных ими в одну группу стран «догоняющего» развития; индивидуализм, делающий главный акцент на индивидуалистические постматериалистические ценности либерального характера – права человека, свободы личности и пр.; «становление саморегулирующейся системы».

Постмодернизм выступает за «рекультуризацию» народов. В основе этого подхода лежит исторический релятивизм, презрение к преданиям, к исторической памяти. При этом содержание культурных факторов теория постмодернизации связывает прежде всего с предпринимательской протестантской этикой, основанной на бережливости, накопительстве и алчности. Утверждается, что те общества, которые воспримут эти ценности, «будут демонстрировать более высокие темпы роста» [6, с. 290].

Условием перехода к стадии постмодернизации является «формирование постматериалистической, неэкономической мотивации» и соответствующих «постэкономических ценностей», наибольшее распространение которых, как подчеркивает В. Иноземцев вслед за своим американским коллегой (Р. Инглегарт), наблюдается якобы в странах Запада. Но основу ценностей западного мира, именуемых «постэкономическими ценностями» и якобы имеющими неэкономический характер, образуют ценности индивидуализма и «саморегулирующейся системы», то есть ценности рыночной экономики, на что прямо указывает Иноземцев [7, с. 339–340].

Постмодернизм рассматривает себя в качестве «духовного» преемника протестантской Реформации, которая вошла в историю как антихристианская революция, утвердившая в западном обществе в XVI-XVIII вв. именно те антихристианские ценности, которые сегодня теория постмодернизации ставит во главу угла – индивидуализм, накопительство, стяжательство, алчность, презрение к традициям и культуре предков [1, с. 144–158].

Вслед за Реформацией постмодернизм отвергает духовные традиции Востока, рассматривая традиционные ценности в качестве косных, мешающих прогрессу. Постмодернизм также разрывает связь с Богом и с Традициями, проповедуя культурный релятивизм, выступая за «...изменение системы ценностей путем замены одного поколения другим...» [6, с. 282].

Постмодернизм отвергает «абсолютные ценности» традиционного общества. Именно поэтому постмодернизм характеризует ценности традиционного общества как, якобы, косные, то есть неподверженные, застывшие, неизменяемые. Это рассматривается как признак отсталости, якобы, не позволяющий традиционным обществам стать на путь постмодернизации. Р. Инглегарт утверждает, что ломка «некоторых компонентов традиционной системы ценностей» является необходимым условием успешной модернизации, т.к. «абсолютные ценности по своей сути имеют косный характер, и в условиях быстро меняющейся среды адаптируются к этим изменениям с трудом» [6, с. 280].

Постмодернизм, выражая неолиберальную систему мировоззренческих взглядов, является одновременно и военно-политической доктриной, разработанной Р.

Инглегартон, одним из крупнейших теоретиков постмодернизма, вскоре после выступлений западноевропейского «поколения бунтарей» конца 1960-х годов.

Ее задачи заключались в том, чтобы, с одной стороны, отвлечь молодежь Запада от революционных выступлений против капитализма, а, с другой – наоборот, подготовить условия для «тихой» революции, т.е. контрреволюционных выступлений молодежи против социализма в социалистических странах Восточной Европы, то есть для организации капиталистической контрреволюции [8, с. 124–129]. События Пражской весны 1968 года и революции «Солидарности» 1980–1981 гг. представляет собой два пика постмодернистской эйфории восточноевропейской интеллигенции старшего и младшего поколений. Лидером «бархатных» революций в странах Восточной Европы был «восточноевропейский постматериализм», что именно он в конечном итоге привел Восточную Европу к «бархатной» смене общественной системы в 1989 году.

Известно, что началу войны обычно предшествует пропагандистская подготовка. В данной случае, как подчеркивает А.С. Панарин, «речь идет о новой культурной революции, связанной с разгромом национальных святынь» [9, с. 131].

Каковы же главные направления этой глобальной культурной революции, нацеленной на развитие процессов десоциализации, дезинтеграции и декультуризации людей?

Во-первых, распространение коммерческой массовой культуры. А. Панарин справедливо указывает на то, что распространение коммерческой массовой культуры носит заказной характер, не является случайным: «Экономическая власть, пожелавшая стать тоталитарной, намеренно снижает потенциал национального сопротивления ей, гася сами возможности формирования критической рефлексии или высокого нравственного пафоса. Сегодня принято видеть в критике коммерческой массовой культуры, всецело подчиненной рынку, проявления фундаменталистских и традиционалистских комплексов (прежде это оценивалось мягче – как консервативно-романтический утопизм). Перед лицом этого либерального шантажа важно показать, что натиск коммерсализации представляет собой не только вызов Большой культурной традиции, но и вызов самому Просвещению» [9, с.127].

Во-вторых, борьба господствующего либерализма с «пережитками традиционализма», «постмодернистская» критика вечных и нетленных ценностей. Рыночный фундаментализм, основанный на абсолютизации рыночных критериев, на стремлении оценивать деятельность всех сфер общества на основе принципов экономической эффективности, стремится к тому, «чтобы буквально всем явлениям жизни и культуры придать товарную, а значит, отчуждаемую форму меновой стоимости. До сих пор культуры были дуалистическими: наряду с тем, что продается и покупается на рынке, они содержали неотчуждаемый фонд ценностей личного и коллективного назначения. Во всякой здоровой культуре непродажными считались любовь и вдохновение, истина и красота. Также непродажными выступали и испытанные коллективные ценности: родной язык и священная земля предков, национальная территория и национальные интересы, гражданский и воинский долг» [9, с.130–131].

А.С. Панарин, продолжая эту мысль, пишет: «Международная же экономическая власть, сегодня выступающая как власть доллара, с болезненной ревностью относится к этим непродаваемым и неотчуждаемым ценностям. Пока они существуют, она чувствует себя ограниченной и неполной: там, где есть люди, которых нельзя купить, она ожидает неприятных сюрпризов и подвохов. Нынешняя «постмодернистская» критика вечных и нетленных ценностей может быть по достоинству оценена в свете амбиций мировой экономической власти, исполненной решимости подавить «последние» очаги сопротивления. До тех пор, пока все на свете не превратилось в товар, имеющий свою цену и подлежащий продаже, экономическая власть не может считаться тоталитарной – безраздельной и всеохватывающей. Вот почему все то, все то, что не имеет товарного статуса и признанной меновой стоимости, господствующий либерализм объявляет пережитками традиционализма. Завершение модерна мыслится как завершение процесса превращения былых ценностей в прозаический товар, имеющий своего продавца и покупателя» [9, с.130–131].

В – третьих, борьба либерализма против неотчуждаемых ценностей, всемерная дискредитация внеэкономических ценностей. Ее суть – тотальное очищение

культуры от ценностных анклавов, противостоящих экспансии менового начала. А.С. Панарин очень верно заметил: «Пока на местах существуют неотчуждаемые ценности, глобальная власть невозможна» [9, с.132].

«Завершение модерна мыслится как завершение процесса превращения былых ценностей в прозаический товар, имеющий своего продавца и покупателя. Именно с этой логикой экономической власти связана современная американская стратегия завоевания мира. Пока Америке противостояли на мировой арене национальные мыслители, политические лидеры и полководцы, мир казался иррациональным, ускользающим от калькуляции, полным сюрпризов. Но когда указанные персонажи вытесняются товаровладельцами, продающими свой интеллект, способность влиять на исход переговоров или исход сражений, тогда мир сразу принимает узнаваемый рыночный облик, становится предсказуемым и подвластным. В таком мире власть измеряется количеством долларов, предназначенных для подкупа. Только в этом мире владельцы наибольшего количества денег автоматически оказываются наделенными наибольшей властью. Отсюда ясно, что первым шагом на пути строительства однополярного мира является всемерная дискредитация внеэкономических ценностей – тотальное очищение культуры от ценностных анклавов, противостоящих экспансии менового начала» [9, с.131–132].

В – четвертых, приватизация национального потенциала властвующими элитами, превратившимися в монопольных «товаровладельцев». Речь идет о процессе созидания наднациональных элит на базе компрадорской буржуазии и местного продажного чиновничества.

«Парадокс демократической Америки, ведущей свое глобальное наступление, состоит в том, что ею последовательно отвергается ключевое для демократии понятие суверенитета народов. Дело в том, там, где имеет место такой суверенитет, национальные интересы по определению не могут быть предметом купли-продажи. Для того, что это произошло, властные элиты должны приватизировать этот суверенитет, получив полную свободу и бесконтрольность своих

действий в международной политике. Национальный интерес должен стать товаром, а властная элита – его товаровладельцем, не связанным никакими императивными мандатами со стороны нации» [9, с.131–132].

В-пятых, борьба за американскую гегемонию и глобализацию американского образа жизни, господство американского «культурного империализма», опирающегося на социокультурные факторы [9, с. 131–132]. Рассматривая эту проблему, необходимо подчеркнуть, что, по сути, речь идет об унификации всего мира, национальных экономик всех стран на социокультурной базе промышленно развитых стран евро-американского типа, а также о конкурентном подавлении американской социокультурной системой всего имеющегося в мире разнообразия форм не только хозяйственной организации, но и социокультурного разнообразия вообще.

Именно поэтому постмодернизм нацелен на развитие процессов десоциализации, дезинтеграции и декультуризации людей. С их помощью население любой данной страны предполагается превратить в обособленных индивидуумов, озабоченных только своими эгоистическими проблемами, в «беспринципных отщепенцев, не знающих никаких культурных, нравственных и других внутренних ограничений» [9, с.143].

Чтобы открыть широкую дорогу для процессов постмодернизации, теоретики постмодернизма также готовы пойти на ломку сложившейся в мире системы разных мировоззрений и религий, заменяя все это одним «калейдоскопом», в котором череда сменяющих друг друга поколений будет подбирать для себя каждый раз новое приемлемое мировоззрение. Но не будем забывать, что базисом, который определяет содержание «нового мировоззрения», является все тот же материализм, а точнее – высокие материальные стандарты американского уровня жизни, проецируемые на весь остальной мир. Постматериализм здесь не выходит за рамки экономической формации – экономический базис здесь по-прежнему определяет все надстроечные отношения, включая и социокультурные факторы. Развиваясь в рамках буржуазной среды, будучи ее продуктом, все те

новые ценности, именуемые «неэкономическими», являются такими только лишь по форме, но не по содержанию.

«Социодинамика культуры» – именно так и называется книга известного на Западе специалиста по средствам массовой информации А. Моля. Данное понятие очень точно характеризует новый тип западной культуры – мозаичный. А. Моль объясняет, что в этой культуре «знания складываются из разрозненных обрывков, связанных простыми, чисто случайными отношениями близости по времени усвоения, по созвучию или ассоциации идей. Эти обрывки не образуют структуры, но они обладают силой сцепления, которая не хуже старых логических связей придает «экрану знаний» определенную плотность, компактность, не меньшую, чем у «тканеобразного» экрана гуманитарного образования» [2, с.82].

Мозаичная постмодернистская культура воспроизводится в «новых» школах, включая и учебные программы вузов. В мозаичной культуре, подчеркивает А. Моль, «знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации» [2, с.82].

В качестве примера можно привести ТВ программу «Дом-2», а также целый ряд других. Они очень эффективно способствует дебилизации молодежи, т.к. знания о жизни, состоящие из разрозненных понятий «дом», «любовь», «свобода», ассоциируются непременно с т.н. «свободной любовью», с сексом и половой распущенностью, с борьбой за личный успех, с жестким индивидуализмом. В данном случае радикально меняется само понятие дом, которое всегда для русского человека было равнозначно понятиям уют, братство, солидарность поколений, уважение к старшим и почитание традиций. В подобных программах привычные и базовые понятия дом, любовь и свобода уже «не образуют структуры, но они обладают силой сцепления», в основе которого лежат самые низменные инстинкты, примитивное сексуальное «сцепление», максимальная свобода от всех правил, норм и традиций.

Идеологи неолиберализма активно насаждают в современном мире мозаичную культуру, способную успешно расщеплять сознание людей, деформируя их

мировосприятие, насаждая «культуру крайнего индивидуализма», лишённого всяких этических ограничений. Данный тип культуры лежит в основе процесса, обозначаемого понятием «культурный релятивизм». Это чревато утратой всех норм, на которых строится социальный порядок, а значит – движением западного общества к моральной деградации, разложению и окончательному упадку, ведущему к гибели. Именно этим проблемам посвящена книга «Великий разрыв» Ф. Фукуяма – проблемам воспроизводства утраченного социального порядка [10, с. 24, 29, 213].

Автор пишет о том, что индивидуализм, плюрализм и толерантность, встроенные в формальные институты, обычно способствуют культурному разнообразию и, таким образом, несут в себе угрозу подрыва моральных ценностей, унаследованных из прошлого, а динамичная экономика технологических инноваций может, в силу своей природы, разрывать существующие социальные связи.

По мнению Фукуямы, в самом богатом разнообразном обществе, сложившемся в США в конце XX века, слово культура стало ассоциироваться с идеей выбора. Другими словами, культурный релятивизм – это мнение, что нормы культуры являются произвольными, социально сконструированными артефактами различных обществ (или групп в рамках общества) и что не существует никаких универсальных стандартов морали, а также никаких способов, с помощью которых мы могли бы оценивать нормы и правила других культур.

Теория постмодернизма активно оперирует социокультурными понятиями, но в исследованиях авторов, стремящихся отразить современную т.н. постиндустриальную эпоху, обозначаемую нередко понятием «эпоха постмодернизма», нет движения реальной истории. «Последняя предстает не как «Большая История», то есть взаимосвязь традиций, эпох, формаций, периодов и т. д., ... а как «музей», сборище разных фактов, древностей, реликвий, образов, деталей и пр., которые можно порой извлекать из забвения, использовать по тому или ному поводу», – подчеркивает В.Г. Хорос, ученый-экономист и ведущий сотрудник ИМЭМО РАН. Очевидно, далеко не случайно музейное дело развитых странах быстро коммерциализируется. Например, в Японии за последние 15 лет появилось 500 музеев; в Англии новый музей открывается каждые три недели [11, с. 17].

Сам по себе факт, что культура в современном западном обществе превращается в музейную редкость, в объект собирательства и накопительства, не является удивительным. Западная либеральная наука, выбросив из анализа человека и культуру духовную, создаваемую людьми, оставила лишь материальные объекты культуры, превратив культуру в предмет потребления.

Таким образом, неолиберализм является, по сути, теорией перманентных революций, оплачиваемых всегда банкирами. Установить мировую власть, к которой стремятся неолибералы, можно только в результате подрыва общенациональных ценностей, формирующих современные государства-нации и всю систему цивилизаций, каждая из которых выступает в качестве самостоятельного и независимого культурно-исторического типа. В этих целях главный удар неолиберальная культурная революция, подготавливающая реализацию уже настоящих революций, свергающих неудобные Западу общественно-политические системы, наносит по системе смыслообразующих ценностей и понятий, формирующих смыслообразующие принципы культуры.

Именно они образуют культурное ядро, т. е. ядро национальных духовных ценностей и принципов, на основе которых формируются принципы жизнедеятельности данной нации и данного народа. При этом национальное хозяйство, в идеале, должно служить механизмом реализации общенациональных целей и ценностей, выполняя служебную роль по отношению ко всему обществу.

Но национальное хозяйство далеко не всегда соответствует этим принципам. Насаждение в данном обществе псевдокультурных ценностей разрушает смыслообразующие ценности и принципы культуры данного государства-нации, приводит к тому, что современные агенты «мировой революции» навязывают данной стране ложную систему духовных принципов, выдавая их за некие «общечеловеческие ценности».

В итоге национальная государственная идеология, как система работающих принципов, превращается в совокупность импортированных, западных принципов, а национальное хозяйство начинает развиваться на основе принципов, оторванных от принципов национальной жизнедеятельности. При таком подходе

национальное хозяйство данной страны теряет свой национальный характер, неизбежно превращаясь в хозяйство данной «территории», имеющее всего лишь национально-ограниченный характер, но при этом лишенное системы общенациональных ценностей.

Ярким примером является постсоветская Россия 1990-ых годов, хозяйство которой обслуживало интересы кучки олигархов, будучи абсолютно оторванным от интересов всего народа. Либерализм вообще порождает анархию и вседозволенность, а неолиберализм, усиливая эти тенденции, разрушающие национальную культуру, быстро превращает великую страну в кучу исторического мусора. Либерализм – это оружие, направленное против нашей страны. Каждый сам по себе, а государство само по себе – это и есть формула либерализма, по которой жить невозможно.

Список литературы

1. Фромм Э. «Иметь» или «быть» / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2012. – 314 с.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2008. – 862 с. – EDN QOIPUMT
3. Лисичкин В.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война / В.А. Лисичкин, Л.А. Шелепин. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 444 с.
4. Самохвалова В.И. Массовый человек – реальность современного информационного общества / В.И. Самохвалова // Массовая культура и массовое искусство. «За» и «Против». – СПб.: Гуманитарий, 2003. – С. 102–147.
5. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Война после войны: информационная оккупация продолжается / В.Лисичкин, Л.Шелепин. – М.: Алгоритм: ЭКСМО, 2005. – 411 с. EDN QPВOPX
6. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Academia, 1999. – 631 с.
7. Иноземцев В.Л. Расколота цивилизация: научное издание / В.Л. Иноземцев. – М.: Academia: Наука, 1999. – 703 с.
8. Коровицина Н.В. С Россией и без нее: Восточноевроп. путь развития / Н.В. Коровицына. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 283 с.

9. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2003. – 415 с. EDN QOCPLL

10. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – М.: АСТ, 2003. – 476 с. – EDN QOCEGH

11. Хорос В.Г. Постиндустриальный мир – ожидания и реальность (к постановке проблемы): постиндустриальный мир и Россия: сб. науч. ст. / В.Г. Хорос // Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М: Эдиториал УРСС, 2001. – 614 с. EDN ULHLPZ